

обґрунтовано передбачених умов та при належному розміщенні й зберіганні, можуть завдати шкоду безпеці чи здоров'ю користувачів або з інших причин не відповідають застосовним вимогам, будуть вилучені або їх наявність на ринку буде заборонена чи обмежена, і що громадськість, Європейська комісія та інші держави-члени будуть відповідно проінформовані.

Держави-члени мають застосовувати санкції за порушення законодавства ЄС в сфері безпеки продукції та гарантувати їх неухильне та своєчасне виконання. Ці санкції мають бути ефективними, пропорційними та переконливими, і можуть бути підсилені, якщо відповідний суб'єкт економічної діяльності раніше вже вчиняв подібне порушення щодо випуску в обіг продукції, яка не відповідає вимогам ЄС.

УДК 34.01 (043.2)

Халабуденко О. А., доктор права, доцент,
Международный свободный университет Молдовы (ULIM), Молдова

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ «ПРИРОДЕ» НОРМ ПРАВА

Допустимо предположение, что оценка поведения лица, предписанного нормой права (нормативным правилом), может быть **правильной или неправильной**: правильный ответ не является истинным, но позволяет определить эффективность через призму информированности о правах и обязанностях, соблюдение или нарушение которых влечет определенные правовые последствия. Однако само нормативное правило зависит от сложившегося социального опыта, оно многозначно. Во всяком случае, определенность нормы достигается не в ней самой, а в практике ее применения: «только после решения судьи мы можем узнать, какая норма соответствует указанной нормативной формулировке» [1, с. 11]. В этом смысле судебный акт выполняет функцию детерминатива, позволяющего определить финальное нормативное значение правила. Применительно к вопросу о соотношении норм права и моральных императивов такая точка зрения позволяет утверждать, что суд прибегнет к применению моральных категорий – основы судейского усмотрения – всякий раз, когда нормативное высказывание неправильно с точки зрения социального опыта.

Юридические нормы, подобно знакам, не являются сущностями, а потому определение их состояния «существуют объективно» к ним применим только при определении их в качестве нормативных высказываний. Знак же не отсылает к значению вещи во вне, он отсылает к значению в его собственных границах. В этом смысле базовый концепт

права тождественен самому себе: право есть право, его определение не требует предиката. Тем не менее нормы права «прямо или символически связаны с конкретными актами, которые имеют место в реальной жизни» [2, с. 295]: в значении нормативного высказывания – практикой легитимации и процедурой принятия, в значении нормативного правила – практикой применения, а в значении правила поведения – практическим осуществлением. Поэтому право не может быть сведено (подобно шахматам) к набору правил, согласно которым каждый элемент определен посредством референции по отношению к другому, но не к своему субстрату.

Принципиальная невозможность выведения истинного положения дел из правила, имеющего нормативное значение, позволяет утверждать, что слагаемые правового материала – особого рода структуры, составляющие ткань всякой правовой системы, имеют конструктивную «природу». Связи между элементами правовой действительности отражают их конструктивные особенности, заданные политико-правовыми императивами – в терминах естественного права – «правовой природой», но в действительности особым правовым режимом, конвенционально признанным и установленным правопорядком в отношении определенных типизированных юридических конструкций.

Юридические конструкции (структуры), будучи формами общественного сознания, десубстантивированы: значение того или иного элемента структуры здесь определяется местом его расположения в ней и вытекающей отсюда функцией, которую он выполняет. Признание нормативного уровня выражения юридических конструкций снимает проблему удвоения онтологии юридических феноменов, исключая необходимость дополнять феноменальное измерение миром ноуменальных сущностей в форме актов воли субъектов юридического общения. Допустимо предположение, что та или иная юридическая конструкция предшествует нормативному высказыванию, но при этом, будучи закрепленной в нормативном материале (нормативном высказывании), сохраняет свою автономность, позволяющую прибегнуть к ее эвристическому постижению. Субъект правового общения в этом смысле есть способ репрезентации соответствующей конструкции.

Однако юридические конструкции приобретают характер субстанции (в значении *existentia*), когда участник правового общения выражает волю на их эксплицитное выражение. С момента выражения юридически значимой воли юридическая конструкция приобретает некий «центр»: возможность, заложенная на уровне нормативного высказывания, становится правовой действительностью. Таким образом, «центр» служит глубинным основанием, не принадлежащим самой структуре, но удерживающим саму ее конструкцию. В отличие от причин, делающих нас несвободными, основания зависят от свободы воли субъектов

правового общения. Для *нормативного высказывания о правиле поведения* таким центром выступает *potestas*; для нормы права в значении правила поведения – воля, а точнее целевое поведение субъекта правового общения. Зазор между нормативным правилом как абстрактным директивным предписанием и конкретным правилом поведения, которым руководствует субъект, в случае возникновения спора заполняется значением, полученным в практике применения нормативного правила.

Посредством конструктивистского подхода к праву разрешается вопрос о соотношении моральных категорий и нормативных правил: морально-нравственные императивы могут быть оценены исключительно в контексте соответствующих юридических конструкций. Высказанная Г. Кельзенем точка зрения, что «мораль следует рассматривать как часть права в тех случаях, когда право содержит нормы, делающие моральные нормы условием применения принуждения»¹³, р. 374], может быть принята, если нормами права считать конкретные нормативные правила, ансамбль которых образует соответствующую нормативную конструкцию. Так, идея о недопустимости совершения частноправовых актов, противоречащих закону или нравственности, запрет на применение обычаев, нарушающих нравственность, недопустимость включения в сделку условий, противоречащих нравственности – эти и другие запреты при практическом применении могут быть объяснены и познаны лишь в рамках соответствующих юридических конструкций. Сказанное позволяет сделать вывод, что морально-нравственные императивы, будучи включенными в правовой контекст на уровне соответствующих юридических конструкций, не обуславливают их существо, но подчинено им.

Литература

1. Булыгин Е. К проблеме объективности права / Е. Булыгин // Проблемы філософії права. – 2005. – Том III. – № 1–2. – С. 7–13.
2. Ллойд Д. Идея права. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость; пер. с англ.: Юмашев Ю. М. (науч. ред.), Юмашева М. А. – М.: Югона, 2002. – 416 с.
3. Kelsen, H. General Theory of Law and State. Harvard University Press, 1949.